

Ю. Н. Бойко

СОЦИОЛОГИЯ ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКОГО ГОРОДА I тыс. до н. э. (по материалам Бельского городища и Ворсклинской региональной системы скифского времени)

Социология города — раздел и теории среднего уровня современной социологической науки, изучающие проблемы генезиса, сущности и функционирования города как целостной подсистемы социального организма.

Проблема урбанизации Восточной Европы становится актуальной для времени не ранее начала железного века. Ниже речь пойдет о феномене города как закономерном результате социального развития населения одного из регионов огромной территории, известной античным авторам под общим названием

Скифия. На сегодня лишь несколько памятников Лесостепной и Степной Скифии соотносились исследователями с остатками древних городов — Белоозерское, Каменское, Елизаветовское и Бельское городища.

Из приведенного перечня благодаря работам В. П. Былковой, вероятно, следует исключить Белоозерское городище [1, с. 184-185]. Открытым остается вопрос о Каменском городище. Несколько десятилетий назад большинство скифологов, за исключением А. И. Терепожкина, поддержало Б. Н. Гракова, трактовавшего это древнее поселение в качестве крупнейшего раннегородского центра Степной Скифии [2, с. 172; 3, с. 61; 4, с. 35; 5, с. 15-16; 6, с. 188-190]. По мнению В. П. Яйленко, Каменское городище соответствует «городу борисфенитов», упомянутому Макробием в связи с походом Зопириона в 311 г. до н. э. [7, с. 253-258]. В то же время Н. А. Гаврилюк, опираясь на материалы новейших археологических исследований Каменского городища и его окрестностей, видит в этом памятнике «конгломерат скотоводческих поселков» с низким уровнем развития и специализации ремесленного производства [3, с. 183-184].

Большое единства наблюдается в отношении специалистов к Елизаветовскому городищу. Не вызвал принципиальных возражений вывод о том, что к середине IV в. до н. э. здесь сформировалось поселение городского типа, выполнявшее важные торговые, ремесленные, культовые, защитные функции для оседло-земледельческого населения Нижнего Дона и Северо-Восточного Приазовья [9, с. 211; 10, с. 63-78].

Единственным городом Восточной Европы (греческого происхождения), достоверно упомянутым в письменных источниках античности, является город Гелон в «земле будинов»: именно городом, а не укреплением и, в то же время, называл его Геродот [IV, 108-109]. Современные исследователи почти единодушно отождествляют этот древний город Лесостепной Скифии с Бельским городищем на Полтавщине. Б. А. Шрамко детально и всесторонне изучил материальную и духовную культуру его обитателей, доказал городской характер поселения, определил место памятника среди европейских древностей эпохи раннего железа [11 — 15 и др.]. В частности, он пришел к выводу, что «Бельское городище напоминало раннегреческий полис с более демократическими, чем в странах Древнего Востока, традициями, происходящими от мисититов, сложившихся в союзе

местных племен» [14, с. 227-228]. Однако вскоре автор внес уточнение в свое видение проблемы: «В данном случае на основе объединения двух племенных центров (Восточного и Западного укреплений Бельского городища.— Ю. Б.) ...появился своеобразный, отличающийся от агигичного, город-государство, игравший важную роль в жизни населения юга Восточной Европы VII — III вв. до н. э.» [15, с. 163]. Представляет интерес оценка Б. А. Шрамко формы политического устройства гелонополитов: «Скорее всего в местном обществе господствовала олигархия, волю которой осуществлял «царь», ограниченный каким-то коллективным органом из представителей верхушки общества, разделенного на отдельные сословия» [15, с. 36].

И все же, несмотря на целый ряд интересных наблюдений и замечаний различных авторов по поводу происхождения и сущности восточноевропейских городов скифского времени, нет специального исследования их социального облика.

Пытаясь хотя бы частично восполнить существующий пробел, начнем с определения некоторых основных параметров пространственно-территориальной системы, элементом и подсистемой которой был город Гелон со своей ближайшей округой. Это возможно благодаря комплексному характеру археологических исследований Ворсклинского региона, что выгодно отличает его от всех других регионов Лесостепной Скифии.

Анализ регионального распределения памятников показывает, что отдельные селенца, городища, курганные могильники образовывали локальные группы, каждая из которых имела свою функциональную территорию. Их совокупность образовывала функциональную территорию региональной системы (см. рис.1).

Особое место в рамках пространственной организации региональной системы занимала центральная зона, границы которой совпадали с функциональной территорией Бельского городища — города Гелона. Она состояла из самого города, десяти расположенных рядом с ним поселений сельского типа и огромного курганного некрополя в урочищах Скоробор, Осняги, Перещепино. Площадь функциональной зоны Бельского городища превышала 700 кв. км, что вполне сопоставимо с размерами Мегариды VIII — VII вв. до н. э., население которой достигало 40000 человек [16, с. 97]. Центральная зона была ядром региональной системы, наиболее полно отражавшим ее генерализованную функцию [17, с. 56, 73]. Одним из важнейших аспектов реализации этой функции было поддержание устойчивости системы, что нашло отражение в создании развитой инфраструктуры обороны и управления. Яркий пример — строительство и неоднократная реконструкция укреплений Бельского городища, размеры которого в два раза превышали фонд площади в пределах укреплений всех древнерусских городов XII — XIII вв. [18, с. 196].

Внешняя линия обороны региона состояла из отдельных городищ и узлов укреплений, расположенных радиально по отношению к ядру системы (см. рис.). За один сутки можно было попасть в любую точку северной части оборонительной линии, наиболее важной в стратегическом отношении, поскольку именно здесь сходились и пересекались некоторые оживленные сухопутные и речные пути древности [подробнее см. 19, с. 86-87; 15, с. 19-27, рис. 1].

Отмеченный тип пространственной организации характерен для раннеклассовых городов-государств [20, с. 31, 32; 21, с. 139 и др.]. Эффективность управления, экономический и военный потенциал таких систем жестко коррелированы с плотностью населения и демографическим потенциалом [22, с. 150-155]. Конечно, в нашем случае оценка этих факторов может носить лишь самый общий характер.

Зная функциональную территорию региональной системы (2740 кв. км) и среднюю плотность населения для обществ развитых земледельцев без ирригации (45 чел./кв. км [22, с. 149]), можем вычислить приблизительную цифру, характеризующую демографический потенциал региона — около 120000 человек. Близкий результат получается при умножении общей площади Ворсклинского региона (ок. 10000 кв. км) на среднюю плотность населения Южной Руси в XII — XIII вв. (10-12 чел./кв. км [18, с. 201]). Кроме того, размеры Ворсклинской региональной системы совпадают с размерами древнерусского территориального образования — городской княжеской волости, выставившей полк воинов-профессионалов средней численностью 1,5 тыс. человек [18,

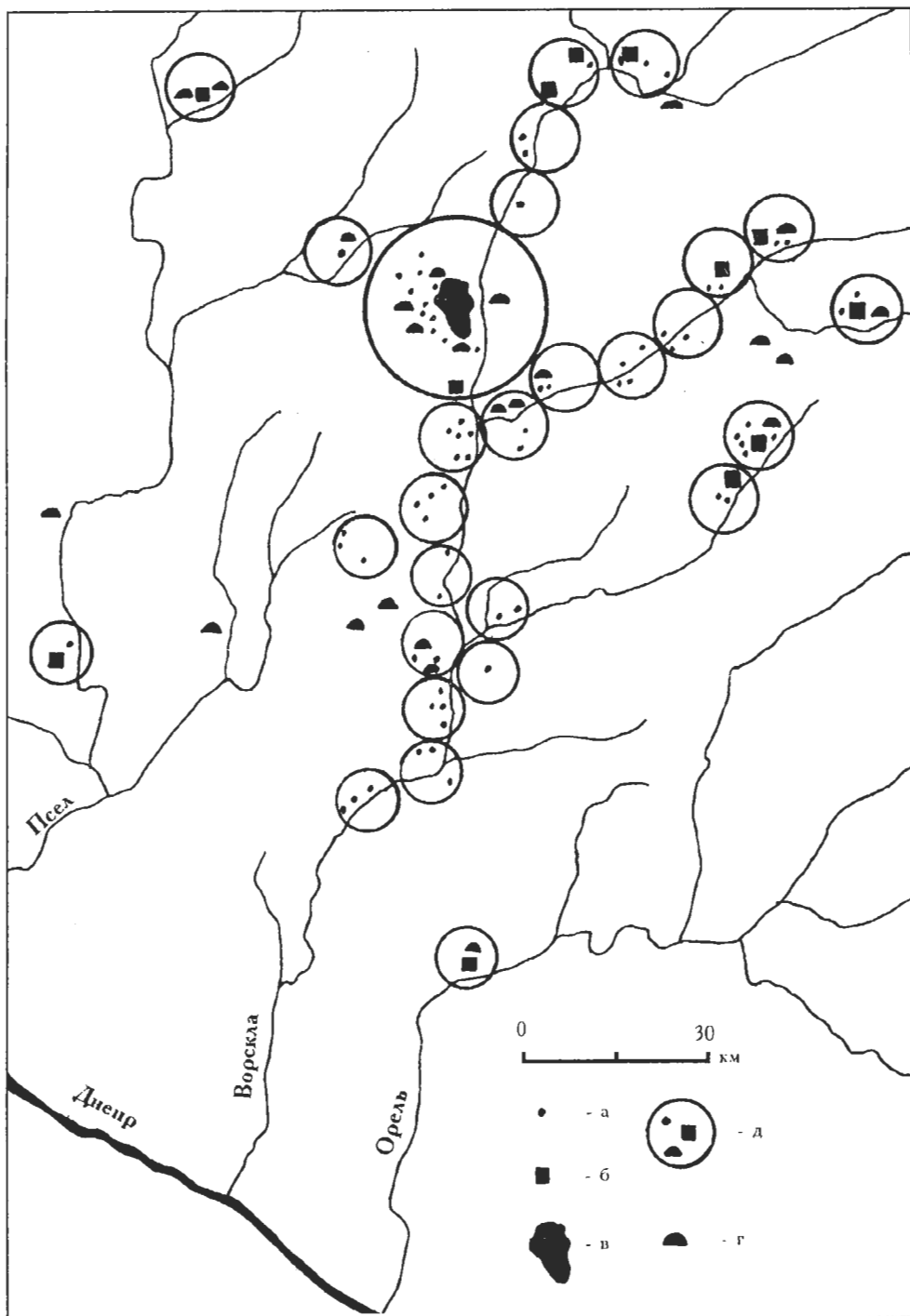

Рис. 1. Воронежская региональная система скифского времени:

а — селища, б — городища, в — Бельское городище, г — курганные могильники,
 д — функциональные территории локальных систем поселений

с. 97-98]. В Северной Европе для содержания такой дружины необходимо было изъять прибавочный продукт 21000 крестьянских домохозяйств [23, с. 148], что при средних размерах малой семьи (5-6 человек) снова дает цифру, близкую полученной ранее, — 120000 человек. Видимо, она действительно отражает демографический потенциал рассматриваемой региональной системы скифского времени, что, в свою очередь, позволяет судить о плотности социальных связей.

Следующим шагом должна стать реконструкция Ворсклинской региональной системы в ее социальном аспекте. Это позволит, в конечном итоге, определить специфику социального облика города Гелона, его социологическое «лицо».

Исходной проблемой, которую невозможно обойти не только нам, но и любому автору, берущемуся за углубленную разработку палеосоциологических вопросов преимущественно на основе данных археологии, является проблема элементарного уровня организации источников, с которого становится возможной их социологическая интерпретация. Для некрополей таким естественным уровнем является погребальный комплекс. На поселениях в качестве элементарного таксона многие исследователи рассматривают жилище, соотнося его с малой социальной группой — семьей. В ряде случаев такой подход правомерен, но часто, особенно когда речь идет о поселениях раннеклассовых и классовых обществ, отдельно взятое жилище не является самостоятельной информационно-единицей. Для эпохи раннего железа элементарным уровнем организации археологических источников из раскопок поселений является усадьба — материальный эквивалент домохозяйства малой социальной группы — семьи или домашней общины.

Первые попытки выделения усадебных комплексов на Восточном укреплении Бельского городища были предприняты Б. А. Шрамко и основаны на методе эмпирической группировки строительных остатков хозяйственно-бытового и жилого назначения [11, с. 108; 24, с. 181-189]. В результате удалось показать наличие отдельных домохозяйств на городище, что само по себе стало важным достижением поселенческой археологии лесостепи. Недостатком метода являлась невозможность четкой фиксации границ домохозяйств.

Принцип разграничения территорий древних домохозяйств на поселениях скифского времени автору данной статьи удалось выявить в процессе детального картографирования всех категорий строительных и вещественных остатков на планах раскопок. Оказалось, что участки с высокой концентрацией артефактов разделялись промежутками шириной 1-2 — 5-6 м* без выраженных культурных отложений или хозяйственных ям. Первые, часто подпрямоугольной формы, соответствуют усадьбам, а вторые — улицам, переулкам, межевым участкам.

Особенно отчетливо границы домохозяйств прослеживаются на однослойных памятниках без больших распаханных зольников. В пределах Ворсклинского региона такими поселениями являются Восточное Бельское, Коломакское городища, отчасти городище у с. Полковая Никитовка. На селищах Лихачевка, Пожарная Балка изученные площади оказались «вписанными» в пространство с высокой насыщенностью культурного слоя, редко пересекая их границы.

На Восточном Бельском и Коломакском городищах отмечена линейно-поперечная уличная планировка (рис. 2, 1, 2). По наблюдениям Б. А. Шрамко и автора настоящей работы, территории Восточного укрепления Бельского городища осваивалась постепенно. Наиболее ранние участки культурного слоя отмечены возле северного и южного входов, а также в ряде мест, как правило возвышенных, по периметру оборонительных сооружений. Похоже, что каждый из заселяемых участков первоначально имел свою планировку — в ряде случаев на соседних раскопах направление улиц не совпадает. Ниже мы попытаемся раскрыть социальную природу отмеченной закономерности.

* Примечательно, что в Алезии и Новгороде минимальная ширина проезжей части улиц совпадала: 1,4 — 1,5 м [25, с. 132; 26, с. 136], соответствуя, видимо, общевропейскому модулю ширины транспортных средств.

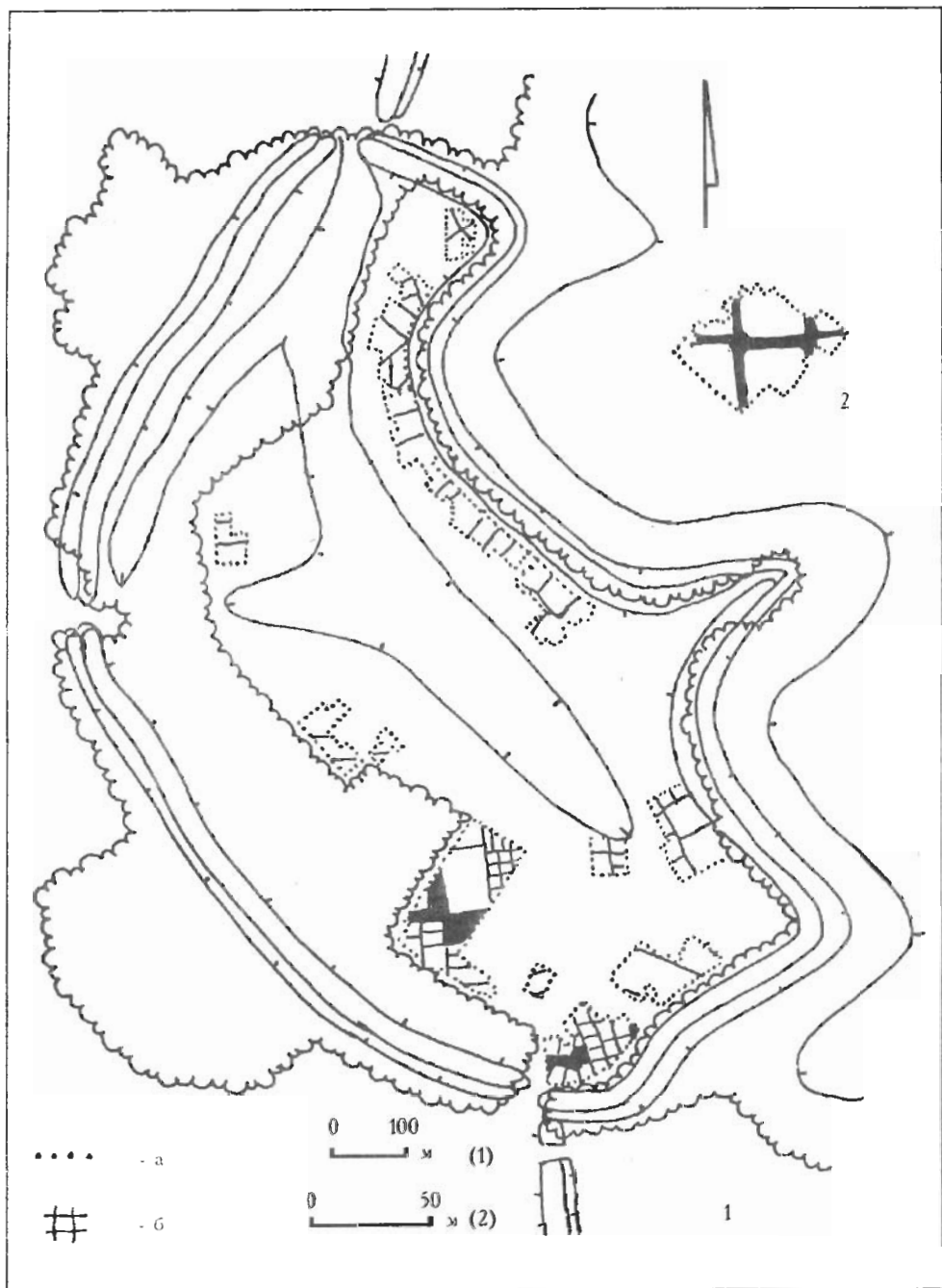

Рис. 2. План Бельского городища.

1 — Восточное укрепление Бельского городища,

2 — раскоп I на Коломакском городище:

а — границы раскопанных участков,

б — усадебно-дворовая планировка (черной заливкой показаны площади, улицы, переулки)

Можно выявить некоторые хронологические особенности и в форме усадебных комплексов: ранние имели не всегда правильные очертания, тогда как в V — IV вв. до н. э. наблюдается тенденция придания усадьбам прямоугольной формы и некоторая стандартизация их размеров.

Усадьбы отличались не только формой, но и размерами, сложностью внутренней планировки. Для усадеб I типа характерно наличие нескольких хозяйственных ям, печей и очагов, иногда жертвенника, расположенных по периметру двора. Жилища находились ближе к границам домохозяйства, подчеркивая тем самым центральное место внутреннего двора в структуре комплекса. Площадь усадеб I типа колебалась в пределах от 70 до 1500 м². Планировка усадеб II типа как бы многократно воспроизводила структуру усадеб I типа, что выражалось в наличии нескольких хозяйственных дворов с примыкавшими к ним постройками в рамках единого домохозяйства. Площадь таких усадеб изменялась в пределах от 900 до 9000 м² *.

К настоящему времени на наиболее изученных в археологическом отношении поселениях приднепровской лесостепи удалось собрать данные о 97 домохозяйствах, из которых 89 относятся к Ворсклинской региональной системе, а 55 исследованы на Восточном Бельском городище. Статистическая обработка региональной выборки произведена по системе признаков [30, с. 56, Приложение 1, табл. 2], числовые значения которых заданы в виде отношения количества предметов той или иной категории в культурном слое домохозяйства к его объему. Это сопоставимые величины, характеризующие плотность насыщения сравниваемых объектов тем или иным качеством [31, с. 69]. В итоге принятая система описывающих признаков и показателей приобретает форму функционально-социологической характеристики малых социальных групп и служит одновременно матрицей данных для статистической обработки на ЭВМ с целью моделирования основных элементов социальной структуры местного населения. В данном случае использован метод факторного многомерного статистического анализа, достоинство которого, по словам К. Иберла, заключается в том, что он «делает возможным выдвижение дифференцированных гипотез о структуре взаимосвязи переменных и факторов, не задаваясь этой структурой заранее и не имея о ней никаких сведений» [32, с. 14]. В итоге выделено 11 социальных групп, различающихся по месту в системе общественного разделения труда, социальному статусу

Обладая сложной внутренней структурой и отчетливо выраженной социальной иерархией, эти группы гомогенизируются на уровне социально-юридических категорий древнего населения — сословий. Здесь становится возможным корректное сравнительное изучение материалов поселений и погребальных комплексов.

На территории Ворсклинского региона известно свыше 160 погребений VII — III вв. до н. э. Их группировка и классификация проведены с помощью кластерного анализа, направленного на выявление групп типологически близких объектов [33; 34, с. 133-134]. В результате выборка была разделена на три сложных по своей структуре кластера высокого уровня, соответствующих трем группам-сословиям, выделенным по материалам поселений [30, с. 110-115, Приложение 1, табл. 5; Приложение II, табл. 17].

К низшему сословию свободных принадлежали крестьяне (земледельцы-скотоводы) и ремесленники. Нынешнее состояние источников позволило более детально изучить социальные группы ремесленников. Их статус и материальное положение во многом определялись общественным престижем специальности, характером специализации и социальным кругом заказчиков. Большинство усадеб ремесленников отмечены на Бельском городище. Для ремесленников низших социальных групп I (бронзолитейщики, столяры-плотники, краснодеревщики) и II (кузнецы) — характерны небольшие

*Для сравнения: минимальный размер участка, получаемого греком-колонистом в стенах города, был около 700 м² [27, с. 125-126]. На Руси площадь усадеб простых горожан составляла 400-600 м², знати — 1200-6000 м²; в селах площадь усадеб изменялась от 1200 до 7000 м² [28, с. 112; 29, с. 46; 18, с. 194-195].

домохозяйства I типа с одним двором, тогда как ремесленники III и IV групп (косторезы и художники-косторезы) жили одно- и многодворными домохозяйствами. Земледельческие орудия труда сохранились на усадьбах кузнецов и косторезов. Другие ремесленники, по-видимому, не были столь тесно связаны с сельским хозяйством.

Размеры усадеб и погребальных сооружений

Таблица I

Сословия	Средние размеры усадеб I типа, кв. м	Средние размеры погребальных камер, кв. м
I	827	21
II	540	11
III	356	7

Условные обозначения: I — воины, II — торговцы, III — ремесленники

Сравнительное изучение материалов поселений и погребений показывает, что кроме некоторых особенностей погребального обряда, сравнительно небольшим размером усадеб представителей низшего сословия свободных соответствовали и незначительные трудовые затраты при возведении погребальных сооружений (табл. 1). Их размеры могли варьировать в зависимости от внутрigrуппового и внутрисословного статуса погребенных, а также от формы семьи, к которой они принадлежали. Мужчин и женщин равного сословно-группового ранга хоронили всегда индивидуально. Отдельные погребения, преимущественно женские, сопровождалась захоронениями домашних слуг или рабов.

Более высокое положение в обществе занимало второе сословие. В него входили V и VI социальные группы, объединявшие торговцев. Средние размеры усадеб и погребальных сооружений этой социальной категории населения превосходят аналогичные показатели для низшего сословия свободных (табл. 1). Мужчин и женщин из второго сословия никогда не хоронили в одной могиле, но сопровождающие погребения женщин из низшего сословия нередко встречаются при основных погребенных-мужчинах второго сословия наряду с отдельными захоронениями домашних рабов.

Фактически единственным сословием свободных, обладавшим в рассматриваемом социальном организме всей полнотой гражданских прав, было сословие воинов со своей внутренней иерархией статусов и отношений. Высшее положение в сословии и обществе занимала XI социальная группа — воинская аристократия.

Для высших социальных групп сословия (IX-XI) характерны многодворные домохозяйства II типа, тогда как в низших (VII-VIII) преобладали сравнительно небольшие усадьбы I типа. В целом же значительные средние размеры воинских усадеб хорошо коррелируют с трудовыми затратами при совершении погребений (табл. 1).

Наличие на усадьбах сельскохозяйственных орудий труда, специализированных помещений указывает на связь с земледелием, в котором мог использоваться труд младших в социальном отношении членов семьи или домашних рабов. Некоторые знатные воины из высших групп сословия иногда отводили на своих усадьбах места под мастерские ремесленников, вероятно, зависимых или ограниченно свободных.

Как и в других сословиях, мужчин и женщин из сословия воинов хоронили только индивидуально. Погребения несвободных сопровождали преимущественно женщины. В некоторых случаях в одну могилу с мужчиной-воином помещали женщину из второго или третьего сословия свободных или, что случалось совсем редко, наложницу-рабыню.

Приведенные данные, по необходимости краткие, о социальном составе и структуре населения Восточного региона позволяют сделать ряд важных наблюдений и выводов.

Прежде всего отметим наличие двух основных форм семейно-родственной организации — малой семьи и большесемейной домашней общины, которым соответствовали усадьбы I и II типов. Случаению последних способствовало не только агнатическое родство, но и

совместное проживание на территории домохозяйства, которое могло расширяться до известных пределов, но никогда не делалось. Интегрирующим началом служили и общие экономические интересы наряду с совместным отправлением религиозных обрядов, сложность которых хорошо коррелирована с общественным статусом малой социальной группы [35, с. 176-179].

Малосемейные домохозяйства характерны для городских ремесленников и воинов низших социальных групп (на Восточном Бельском городище усадьбы I типа составляют около 70% известных домохозяйств). Важно, что именно они наиболее отчетливо выражали позицию социальной группы и сословия в системе общественного разделения труда и сам уровень его развития: многие малые семьи ремесленников и воинов сельским хозяйством не занимались.

Размеры усадеб варьировали в рамках социальных групп и сословий общества, причем наблюдается устойчивая тенденция к увеличению средних размеров односемейных домохозяйств согласно социальному статусу их обитателей (табл. 1). Если размеры усадеб II типа могли зависеть от количества малых семей, входивших в состав семейно-родственного коллектива, то для односемейных домохозяйств причину следует искать не только в социальной принадлежности семей, но и в формах брака, нашедших отражение в погребальном обряде.

На наш взгляд, понять закономерность в распределении сопровождающих погребений по социально-юридическим категориям древнего населения помогает обращение к традиционной системе межварновых брачных отношений в Индии. Например, в Законах Ману сказано: «При первом браке дважды рожденному рекомендуется жена его варны, но у поступающих по любви могут быть жены согласно примому порядку варн. Для шудры предписана жена шудряка, для вайшьи — шудряка и своей варны, для кшатрия — те обе и своей варны, для брахмана — те три и своей варны [36, III. 12-13]. Если из приведенной формулы исключить брахманов, поскольку у населения Ворсклинского региона жречество не выделялось в особое сословие [35], то в остальном заметно совпадение. В Ригведе и Атхарваведе упоминается ритуал замены убийства вдовы кшатрия инцептировкой этого акта [37, X. 18, 8; 38, XVIII. 3, 1], а в рассматриваемом обществе только женщины из сословия воинов никогда не сопровождали других погребенных.

Отсюда в качестве одной из существенных причин возникновения отмеченной тенденции в изменении средних размеров усадеб I типа можно усматривать наличие среди них как моногамных, так и полигамных односемейных домохозяйств. По данным погребений, полигамия в форме гипергамии была присуща высшим сословиям общества.

Территория восточноевропейского города скифского времени, разделенная на множество усадебно-дворовых комплексов, на первый взгляд кажется неупорядоченной в социальном отношении: здесь нет сословных кварталов, как в античных городах Запада, или гомогенных кастовых общин-махалл, как в городах Востока. Но эта «неупорядоченность» внешняя: за ней проступают контуры жестко структурированной социально-топологической системы.

Для изучения распределения усадебных комплексов на поселениях воспользуемся методикой анализа соседства, применяемой в географии. Подчеркнем, что в данном случае «соседство» характеризует прежде всего закономерности пространственного распределения разнокачественных ареалов (в нашем случае — усадебных комплексов различной социальной принадлежности) в рамках топологических систем-поселений, позволяет оценивать степень случайности их взаимовстречаемости, отношения доминирования и подчинения. В целом соседство определяет особенности территориальной структуры, которые не меняются при любых диалектичных и непрерывных преобразованиях геопространства, фиксирует топологические особенности размещения элементов системы [39, с. 68-69].

В основу анализа положена гипотеза о случайном соседстве, проверка которой осуществляется подсчетом чисел соседства, на основании которых строится матрица встречаемости элементов территориальной структуры (табл. 2), где T_{ik} является

Матрица чисел соседства усадебных комплексов

Таблица II

i	j											j	Тк
	XI	X	IX	VIII	VII	VI	V	IV	III	II	I		
XI	x	—	1	—	2	1	—	—	1	—	2	7	1,29
X	—	x	—	1	—	—	1	—	—	—	—	2	1,00
IX	1	—	x	1	1	—	—	—	3	—	—	6	0,83
VIII	—	1	1	x	2	1	1	2	1	1	1	11	0,91
VII	3	—	1	1	x	—	—	—	2	—	—	7	1,14
VI	1	—	—	1	—	x	—	1	—	—	2	5	1,60
V	—	1	—	1	—	—	x	—	—	—	—	2	1,00
IV	—	—	—	1	—	1	—	x	—	1	1	4	1,25
III	1	—	2	1	3	—	—	—	x	—	1	8	1,13
II	—	—	—	1	—	—	—	1	—	x	1	3	1,00
I	3	—	—	2	—	5	—	1	2	1	x	14	0,57
i	9	2	5	10	8	8	2	5	9	3	8	69	

Условные обозначения: I-XI — социальные группы

коэффициентом территориальной концентрации разнокачественных ареалов-усадеб. Элемент служит доминантой, одним из ядер территориальной структуры при $T_k > 1$, играет подчиненную роль при $T_k < 1$, имеет распределение соседства, близкое к случайному, если $T_k \approx 1$ [39, с. 69].

Анализ значений показателя территориальной концентрации (табл. 2) свидетельствует о том, что в рассматриваемой топологической структуре доминировали усадьбы XI, VI и IV социальных групп, занимавших высшее положение в своих сословиях. Яркое выраженная подчиненная роль принадлежала усадьбам I социальной группы — низшей в третьем сословии свободных. Распределение домохозяйств остальных социальных групп

Матрица разностей чисел соседства

Таблица III

i	j											Сумма отклонений	
	XI	X	IX	VIII	VII	VI	V	IV	III	II	I	(+)	(-)
XI	x	—	0	—	-1	0	—	—	0	—	-1	—	-2
X	—	x	—	0	—	—	0	—	—	—	—	—	—
IX	0	—	x	0	0	—	—	—	+1	—	—	+1	—
VIII	—	0	0	x	+1	0	0	+1	0	0	-1	+2	-1
VII	+1	—	0	-1	x	—	—	—	-1	—	—	+1	-2
VI	0	—	—	0	—	x	—	0	—	—	-3	—	-3
V	—	0	—	0	—	—	x	—	—	—	—	—	—
IV	—	—	—	-1	—	0	—	x	—	0	0	—	-1
III	0	—	-1	0	+1	—	—	—	x	—	-1	+1	-2
II	—	—	—	0	—	—	—	0	—	x	0	—	—
I	+1	—	—	+1	—	+3	—	0	+1	0	—	+6	—

Условные обозначения: I-XI — социальные группы

близко к случайному. Но эти оценки носят предварительный характер.

Более детальное представление о распределении усадебно-дворовых комплексов на поселениях региона дает анализ разностей соседства (табл. 3): элементы, имеющие только отрицательные разности, служат ядрами (узлами) топосистемы, вокруг которых концентрируются остальные домохозяйства; элементы с положительными разностями соседства выступают в качестве подчиненных, сопутствующих доминантам; элементы, сочетающие признаки доминирования и подчиненности, рассматриваются как связующие между двумя предыдущими категориями [39, с. 72-73].

Из табл. 3 следует, что наиболее значительными доминантами в рассматриваемой структуре являлись усадьбы XI и VI социальных групп. Менее существенным, но все же доминирующим было положение домохозяйств IV социальной группы. На противоположном полюсе расположены усадьбы I социальной группы, а в качестве связующих элементов выступают домохозяйства VII, III (квазидоминирующие), VIII и IX (квазиподчиненные) социальных групп. Усадьбы X, V и II социальных групп не имели четкой топологической привязки.

Условные обозначения:

- I - XI — социальные группы
- P — вероятность соседства на ограниченном участке поселения
- ϕ — коэффициент ассоциации Пирсона

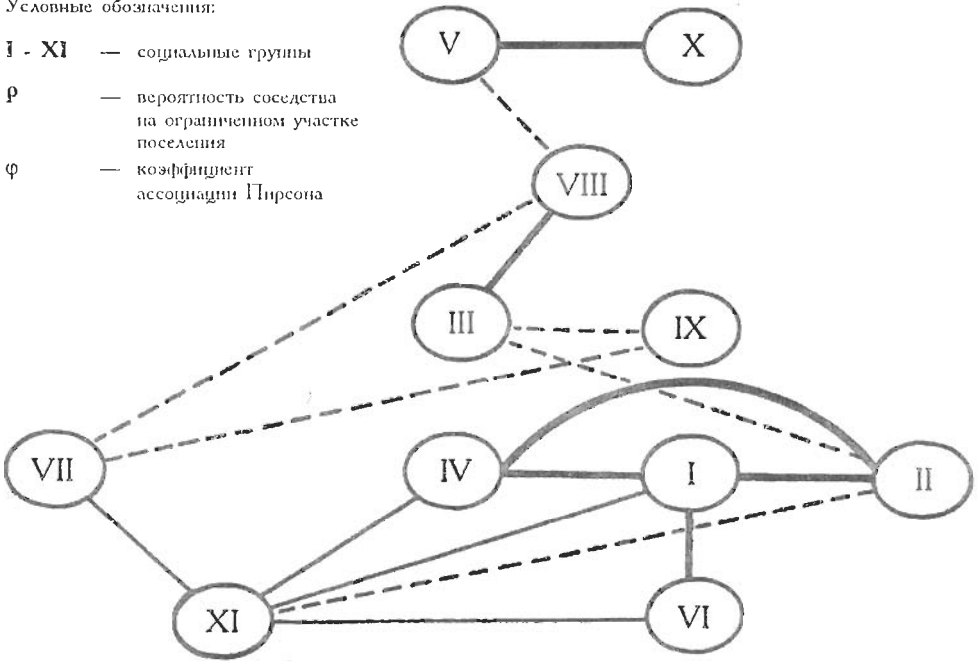

Рис. 3. Граф локализованной структуры соседства усадебных комплексов на поселениях Вореклянской региональной системы:

$P = 0.95 - 1.0$
 $\phi = 0.65 - 1.0$

$P = 0.80 - 0.90$
 $\phi = 0.45 - 0.60$

$P = 0.50 - 0.70$
 $\phi = 0.26 - 0.38$

Полученные результаты характеризуют общую модель распределения домохозяйств различной социальной принадлежности на поселениях Вореклянского региона безотносительно к внутренней структуре каждого. Ее содержательная интерпретация предполагает учет взаимовстречаемости усадеб на отдельных участках поселения, что возможно благодаря раскопкам городищ и селищ большими площадями.

Построение модели взаимовстречаемости усадеб на ограниченных участках поселений, выраженной в виде графа вероятностей соседства домохозяйств различных социальных

групп, дополненных расчетом коэффициента ассоциации Пирсона (рис. 3), показывает, что внутри общей модели выделяются две подсистемы различных уровней гомогенизации. Первая из них, более высокого уровня, включает усадьбы XI, VII, VI, IV, II и I социальных групп с большой вероятностью соседства на ограниченном участке поселения. Вторая подсистема объединяет усадьбы всех остальных групп с более низкой вероятностью локального соседства. Обе подсистемы, или локализованные варианты структур соседства, имеют общее доминирующее ядро — домохозяйства воинской аристократии (группа XI) и дополнительно связаны через усадьбы IX, VII, III, II социальных групп. Это обуславливает известную вариабельность состава основных подсистем за счет включения дополнительных элементов. Качественное своеобразие подсистем и уровней их организации заключается в том, что первая из них объединяет ядра, а вторая — квазидоминирующие элементы системы.

Таким образом, в распределении усадебных комплексов на поселениях отчетливо прослеживается фактор социального соподчинения: доминирующие элементы сохраняют иерархию межсословных статусов, причем домохозяйства аристократии выступают в качестве интегрирующего ядра всей системы. Добавим, что общие принципы организации пространства поселений обнаруживаются и в структуре некрополей. Курганы воинов высокого социального ранга служили узлами, вокруг которых концентрировались погребения представителей иных социальных групп и сословий.

С известной осторожностью подсистему, объединяющую квазидоминирующие элементы структуры, можно рассматривать в качестве соседской (уличанской) общины, где были свои «узлы прочности».

Подсистему, включавшую социально доминирующие и сопутствующие им элементы, следует интерпретировать в качестве территориальной сословно стратифицированной общины иерархического типа [40, с. 133, 254-258]. В городе такие общины селились отдельными кварталами на участках, принадлежавших, видимо, патронам-аристократам. В противном случае трудно объяснить устойчивость этих образований в структурном, временном и пространственном отношениях. На границах таких кварталов могло возникать несовпадение изначальных планировочных сетей.

Исторический пример описанной социально-территориальной структуры можно найти в средневековой Индии, где владельческое право на землю обуславливалось принадлежностью к доминирующей в данной местности землевладельческой касте, чаще всего из варны воинов-раджанья. В случае поглощения городом своей сельскохозяйственной округи деревни превращались в кастовые гетерогенные городские квартальные общины, сохранявшие прежнюю систему поземельных отношений [41, с. 74-75, 162]. Но такие деревни в городе, разделенном на кастовые общины-кварталы, где каждый горожанин был собственником участка земли, в средние века были скорее исключением, чем правилом [41, с. 75].

На другом краю ойкумены, в архаической Греции, деревни были основой ячейкой общественных связей, на которых базировался политический строй и его дальнейшая эволюция. При возникновении города каждая отдельная его община могла составлять самостоятельную филу и проживать в отдельном городском квартале. Как следствие такой практики городские кварталы назывались «деревнями» [16, с. 23-24]. После синойкизма знать аттических поселений переселилась в Афины и образовала здесь правящее сословие эвпатридов. К такому древнейшему состоянию, видимо, восходит традиция проживания знати в городах и в последующие века. Привилегия эвпатридов избирать магистратов лишь из своей среды была ликвидирована реформами Солона, ознаменовавшими переход от «протополисного» к собственно полисному состоянию [16, с. 18-19, примечание 14]. Но греческий полис был гражданской и сакральной общиной землевладельцев, тогда как в Гелоне на протяжении всего его существования верховным собственником земли не всей, то большей части земли была аристократия, олицетворявшая государство. Гелон дает пример того, чем мог бы стать раннегреческий полис, если бы не изменение общей тенденции развития всего древнегреческого общества в VII — VI вв. до н. э., когда с

П
А
Т
А
С

развитием колонизационного движения сначала на периферии, а потом и в метрополиях начинают складываться рабовладельческие отношения античного типа [16, с. 88]. В то же время социально стратифицированные общества Юга Восточной Европы продолжали развиваться под воздействием раннефеодальной тенденции, окончательно реализовавшейся здесь полторы тысячи лет спустя в Древнерусском государстве.

Сравним город Гелон с древнерусским городом, можно уловить ряд общих черт. Например, важнейшей социально-экономической ячейкой Гелона и Новгорода был комплекс усадеб единой владельческой принадлежности. В Новгороде исходным моментом его формирования являлось родовое владение местной аристократии, организующее в пределах своей компактной территории разнообразное по сословной принадлежности население: владения бояр Мишиничей включало до 20 усадеб с населением 300-400 человек, в том числе ремесленников [42, с. 37, 38, 47]. В обоих случаях усадьбы знати, ремесленников, торговцев располагались вперемежку, что для древнерусского города принято объяснять вотчинным характером организации ремесла и торговли [18, с. 10, 89 сл.]. На наш взгляд, отмечаемое сходство носит принципиальный характер. Именно древнерусский город моделирует то состояние, к которому мог бы прийти Гелон при наличии благоприятных внешних и внутренних условий. Но их не было: историческое время феодализма еще не наступило, а социально-экономическая система города-государства, несмотря на внешнюю стройность и основательность, держалась на зыбкой почве баланса интересов ведущих аристократических кланов.

В целом структура социальной организации региональной системы и города как ее центрального элемента реконструируется следующим образом: семья или домовая община — группа семей различной социальной принадлежности под эгидой воинской знати в провинции и аристократии в городе, — локальная группа сословно стратифицированных общин-поселений (рис. 1), — городская суперобщина, управляемая «патронами» или «старейшинами» общин-квартилов.

Городская суперобщина аккумулировала в себе не только треть демографического потенциала, но и все основные качественные параметры системы, являясь выразителем генеральной системной функции данного сообщества — государственности [см. 43, с. 92-98].

На идеологическом уровне социально-экономическая зависимость воспринималась как услугаобмен, в котором были заинтересованы все участники процесса: земледельцы, ремесленники, торговцы получали от своего покровителя военную, политическую и юридическую защиту; аристократ-покровитель не только обеспечивал себе регулярное поступление земледельческого прибавочного продукта, но и организовывал его перераспределение внутри системы с целью получения продукции ремесленного производства, торгового обмена на социально престижные вещи [44, с. 22-27, приложение 21].

В основе функционирования подобного типа социальной организации лежали системообразующие отношения власти — собственности.

Относительно вопроса о форме политического устройства рассматриваемого социального организма можно согласиться с тезисом Б. А. Шрамко об аристократической (олигархической) «республике», которая, однако, скорее напоминала политическое объединение кшатриев в позднеархаической Индии [45, с. 154], чем аристократический греческий полис. Примечательно, что на территории Ворсклинского региона, как, впрочем, и соседних регионов лесостепи, не обнаружено ни одного «царского» погребения средне- и позднескифского времени. Как мы имели возможность убедиться, причина не в какой-то гипотетической зависимости от кочевников-степняков [46, с. 137], а в особенностях социальной и политической организации местного населения. Здесь мы сталкиваемся с примером асинхронности общественного развития степи и лесостепи: кристаллизация и расцвет царской власти у скифов происходит тогда, когда в лесостепи она уже уходит в прошлое, как несколько ранее в Греции и Риме, а позднее в Галлии, которые, как известно, кочевниками не поработались.

ЛИТЕРАТУРА

1. Былкова В. П. Об одном из «городов» Степной Скифии // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н. э. — V в. н. э.): Материалы междунар. конф. — Киев, 1991.
2. Граков Б. П. Каменское городище на Днепре // МИА. — 1954. — № 36.
3. Граков Б. П. Скифы. — М., 1971.
4. Тереножкин А. И. Об общественном строе скифов // СА. — 1966. — № 1.
5. Тереножкин А. И. Общественный строй скифов // Скифы и сарматы. — Киев, 1977.
6. Тереножкин А. И., Ильинская В. А. Скифия VII — III вв. до н. э. — Киев, 1983.
7. Яйленко В. П. Ольвия и Боспор в эллинистическую эпоху // Эллинизм: экономика, политика, культура. — М., 1990.
8. Гаврилюк П. А. Каменское городище и проблема ремесла у степных скифов // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н. э. — V в. н. э.): Матер. междунар. конф. — Киев, 1991.
9. Браишинский И. Б., Марченко К. К. Елизаветовское городище на Дону — поселение городского типа // СА. — 1980. — № 1.
10. Марченко К. К., Житников В. Г., Яковенко Э. В. Елизаветовское городище — греко-варварское торжище в дельте Дона // СА. — 1988. — № 3.
11. Шрамко Б. А. Восточное укрепление Бельского городища // Скифские древности. — Киев, 1973.
12. Шрамко Б. А. Крепость скифской эпохи у с. Бельск — город Гелон // Скифский мир. — Киев, 1975.
13. Шрамко Б. А. Некоторые итоги раскопок Бельского городища и гелоно-будинская проблема // СА. — 1975. — № 1.
14. Шрамко Б. А. Ф. Энгельс и проблема возникновения городов в Скифии // Ф. Энгельс и проблемы истории древних обществ. — Киев, 1984.
15. Шрамко Б. А. Бельское городище скифской эпохи: Город Гелон. — Киев, 1987.
16. Яйленко В. П. Архаическая Греция и Ближний Восток. — М., 1990.
17. Алаев Э. Б. Социально-политическая география: Понятийно-терминологический словарь. — М., 1983.
18. Толочко П. П. Древнерусский феодальный город. — Киев, 1989.
19. Бойко Ю. П. Системный подход к изучению общественного развития населения днепровского лесостепного Левобережья в VII — III вв. до н. э. // Вестн. Харьк. ун-та. — 1985. — № 268.
20. Дьяконов И. М. Проблемы вавилонского города II тыс. до н. э.: По материалам Ура // Древний Восток. Город и торговля (III — I тыс. до н. э. — Ереван, 1973).
21. Дьяконов И. М. Протошумерный период в Двуречье // История Древнего Востока. Ч. 1: Месопотамия. — М., 1983.
22. Коротаев А. В. Некоторые экономические предпосылки классообразования и политогенеза // Архаическое общество: Узловые проблемы социологии развития. Ч. 1. — М., 1991.
23. Лебедев Г. С. Эпоха викингов в Северной Европе: Историко-археологические очерки. — Л., 1985.
24. Радзиевская В. Е., Шрамко Б. А. Усадьба с косторезной мастерской на Бельском городище // СА. — 1980. — № 4.
25. Широкова Н. С. Древние кельты на рубеже старой и новой эры. — Л., 1989.
26. Колчин Б. А., Хорошев А. С. Михайловский раскоп // Археологическое изучение Новгорода. — М., 1978.
27. Яйленко В. П. Греческая колонизация VII — III вв. до н. э. — М., 1982.
28. Колчин Б. А., Черных П. Б. Ильинский раскоп // Археологическое изучение Новгорода. — М., 1978.
29. Куза А. В. Укрепленные поселения // Древняя Русь. Город, село, замок. — М., 1985.
30. Бойко Ю. П. Социальный состав населения бассейна р. Ворсклы в скифское время (VII — III вв. до н. э.): Дис. ... канд. ист. наук. — Харьков, 1986.

31. Кириченко С. М. Понятие концентрации как мера насыщенности системы // Системный подход и современная наука. — Новосибирск, 1973. — Вып. 2.
32. Иберла К. Факторный анализ. — М., 1980.
33. Дюран Б., Одед П. Кластерный анализ. — М., 1978.
34. Буйнов Ю. В., Кузьменко А. С. Опыт применения многомерного анализа данных о погребальном обряде для реконструкции социальной структуры населения Среднего Приднепровья в VII — III вв. до н. э. // Вестн. Харьк. ун-та. — 1985. — № 268.
35. Бойко Ю. П. Отражение социальной структуры в идеологии и культовой практике населения Ворсклинского региона скифского времени // Религиозные представления в первобытном обществе: Тез. докл. всесоюз. конф. — М., 1987.
36. Законы Магу / Пер. С. Д. Эльмановича, проверенный и исправленный Г. Ф. Ильиным. — М., 1960.
37. Ригведа: Избранные гимны // Пер и ком. Т. Я. Елизаренковой. — М., 1972.
38. Атхарваведа: Избранное // Пер. и ком. Т. Я. Елизаренковой. — М., 1976.
39. Топчиев А. Г. Пространственная организация географических комплексов и систем. — Киев, 1987.
40. Кобицанова Ю. М. Системы общинного типа // Община в Африке: Проблемы типологии. — М., 1978.
41. Ашрафян К. Э. Средневековый город Индии XIII — середины XVIII века. — М., 1983.
42. Янин В. Л., Колчин Б. А. Итоги и перспективы новгородской археологии // Археологическое изучение Новгорода. — М., 1978.
43. Гуляев В. И. Города-государства майя: Структура и функции города в раннеклассовом обществе. — М., 1979.
44. Блюмхен С. И., Коротаев А. В. Узловые проблемы социологии развития древних обществ // Архаическое общество: Узловые проблемы развития. — М., 1991.
45. Вигасин А. А., Самозванцев А. М. «Артхашастра»: Проблемы социальной структуры и права. — М., 1984.
46. Ковпаченко Г. Т., Бессонова С. С., Скорый С. А. Памятники скифской эпохи Днепровского Лесостепного Правобережья: Киево-Черкасский регион. — Киев, 1989.

SUMMARY

The article considers the Vorskla river regional system of Scythian times with the town of Gelon being its kernel. The defined type of the surrounding area organization system is characteristic for town-states at the early class stage. The analysis of excavations of the estates in the sites of ancient towns and settlements yields a conclusion that ancient society that inhabited the Vorskla river regional system had a developed estate and caste structure.